

Г. В. Колодко¹

**НЕ «ВАШИНГТОНСКИЙ» И НЕ «ПЕКИНСКИЙ КОНСЕНСУС»,
А НОВЫЙ ПРАГМАТИЗМ**

Вначале о главном. В краткосрочной перспективе экспансия социально-рыночной экономики не стоит на повестке дня, поскольку должны быть решены более актуальные проблемы. Однако в долгосрочной перспективе мировая социально ориентированная рыночная экономика представляется единственным разумным вариантом развития человечества. Социально-рыночная модель подразумевает, что ядро экономической деятельности базируется на праве частной собственности, мотивируется стремлением максимизировать прибыль и в то же время проникнуто заботой о социальной сплоченности. Власть рынка должна использоваться для содействия удовлетворению нужд людей, а не просто для их эксплуатации. Поэтому социально-рыночная экономика не просто несовместима с неолиберализмом, который служит интересам меньшинства за счет большинства, — она противостоит ему.

Но не будем наивными. При численности населения 7 млрд человек и перспективе ее увеличения

до 9 млрд в течение 35 лет, многочисленных различиях и противоречиях, многообразии трудносовместимых целей и повесток мир никогда не будет похож на модель социально-рыночной экономики социально-демократических стран Скандинавии. Однако он может быть менее конфликтным и более прогрессивным при условии сбалансированного и устойчивого развития. В своей книге я пишу: «Невозможно сделать мир совершенным, однако стоит продолжать к этому стремиться»².

Что касается неолиберализма, который путает средства экономической политики с ее целями, то это рецепт катастрофы. Человечеству необходимо избавиться от этого ангажированного типа рыночной экономики. Нынешний кризис должен этому поспособствовать, и странно, что до сих пор этого не произошло.

**Ведет ли «пекинский консенсус»
к социально-рыночной экономике?**

В какой мере «пекинский консенсус» отвечает критериям социально-рыночной системы? К сожалению, действующая в Китае институциональная система и стратегия развития не способствуют в необходимой мере созданию социально-рыночной экономики, хотя, казалось бы, должны. В основном это объясняется тем, что Китай слишком сильно ориентирован на рост. Подобная стратегия действительно обеспечивает ощу-

¹ Вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института «TIGER» (Transformation, Integration and Globalization Economic Research) Университета Леона Козьминского (Варшава), доктор экономических наук, профессор. Автор 49 книг и более 400 статей, изданных на 26 языках, в т. ч.: «Мир в движении: экономический бестселлер», «Глобализация, трансформация, кризис — что дальше?», «От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований», «Куда идет мир: политическая экономия будущего» и др. Член Европейской академии искусств, наук и гуманитарных исследований. Почетный доктор десяти иностранных университетов.

² Колодко Г. В. Мир в движении / пер. с пол. Ю. Чайникова. М.: Магистр, 2011.

тимый рост ВВП, но в то же время порождает новые проблемы, которые не решаются тем способом, которым должны решаться в социально-рыночной экономике. Важнейшей проблемой в связи с этим является высокое (и продолжающее расти, служа фактором дестабилизации) неравенство доходов. Такая ситуация неустойчива, с ней нельзя долго мириться. Или эта проблема будет решена политическими методами, потому что рынок работает в обратном направлении, или возникнет серьезный социальный конфликт.

Что касается так называемого «пекинского консенсуса», как он понимается на Западе, то китайская модель больше походит на государственный капитализм, чем на социально-рыночную экономику. Несомненно, для Китая, как и для всего мира, было бы гораздо лучше, чтобы эта великая страна развивалась постепенно, эволюционируя от первого ко второму. Но, конечно, не в сторону неоллиберализма. Таким образом, стратегия экономического развития не должна опираться ни на «пекинский консенсус», ни на уже разочаровавшийся «вашингтонский консенсус». Она должна балансировать между ними.

Другим развивающимся странам, которые в последнее время чаще именуются развивающимися рынками, следует поучиться у Китая, но им также надо обратить внимание на опыт таких разных стран, как Бразилия и Польша и даже Канада и Швеция, разумеется, с учетом всех местных специфических факторов. Изучение опыта других — это многоаспектный процесс.

Почему новый прагматизм?

Существует огромная потребность в новом прагматизме. Почему «новом»? Во-первых, необходимо принимать во внимание все специфические факторы, характерные для страны: географическое положение, местную культуру, наследие прошлого, ресурсы, существующие структуры и институты. Универсального рецепта точно не существует. Во-вторых, политика, направленная на создание лучшего будущего, подразумевает отказ от догматизма. Догматичная доминирующая экономическая наука устарела. Новый прагматизм указывает на необходимость применения различных подходов, будь то неокейнсианство или монетаризм, неинституциональная или бихевиористская экономика, экономика развития или ордолиберализм. В-третьих, он новый в силу того, что должен учитывать не только традиционную микро- и макроэкономику, но и новую мегаэкономику взаимозависимого глобального мира. Поэтому существует необходимость в прагматической координации политики в международном масштабе. Все больше вызовов не может быть разрешено ни на уровне национальной экономики, даже если речь идет о таких могущественных странах, как Китай или США, ни на региональном уровне, например в Европейском Союзе или Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В-четвертых, этот подход является новым потому, что он должен учитывать новое положение транснационального капитала по отношению к национальным государствам. Традиционного регулирования и вмешательства государства в экономику категорически недостаточно.

Иными словами, политика Китая в течение двух последних десятилетий была весьма прагматичной: многие проблемы решаются поэтапно, и страна удваивает ВВП примерно каждые семь лет. Напротив, экономическая политика США вряд ли является прагматичной, коль скоро она привела к такому масштабному кризису. Тем не менее никакая из этих политик не является «новым прагматизмом», поскольку «новый» подразумевает также «глобальный», или «всемирный». Предстоит еще проделать большой путь.

Институциональный вызов взаимозависимой глобальной экономики

Возникла самая сложная проблема: как справиться с конфликтом интересов в поистине планетарном масштабе? Это по-настоящему крупный вызов, но нам следует найти прагматический путь развития. Основным механизмом должны стать транснациональные переговоры и согласованная глобальная координация мер политического реагирования. Мое предложение — двигаться вперед, к более социально ориентированной мировой экономической системе, в рамках специфического треугольника долгосрочного развития. Необходимо принимать во внимание не только заданное экономическое равновесие (в торговле, финансах, инвестициях, миграции рабочей силы), но и социальный баланс (своего рода мировую социальную сплоченность) и экологическую устойчивость (особенно снижение эксплуатации невозобновляемых природных ресурсов).

Вершинами такого треугольника являются ценности, институты, политика. Политика должна измениться и стать более ответственной, на этот раз уже *ради мирового общественного блага*. Институты (в бихевиористском, а не организационном смысле) имеют критическое значение. Цивилизация будущего нуждается в новом институциональном порядке глобальной экономики, который представлял бы собой новый свод правил ведения экономической игры и международного регулирования многочисленных форм экономической деятельности, включая международные финансы, миграцию и охрану окружающей среды. Однако должны также измениться и ценности. Они очень разные в Китае и США, Польше и России, среди богатых и бедных. В ценностях будущего должен произойти переход от алчности и желания иметь как можно больше к альтруизму и стремлению быть как можно лучше.

G-194, G-20, G-2 или какая еще G?

Путь к лучшему будущему действительно долг. Мы находимся только в его начале, и нынешний кризис парадоксальным образом может сослужить нам хорошую службу, если только подтолкнет нас в верном направлении. Произойдет ли это? Пока неизвестно. Поэтому все сильнее ощущается потребность в интеллектуальном лидерстве на транснациональном, если не на глобальном уровне. Мы нуждаемся в новых формах политической координации. Иногда это может быть формат G-194 ООН, в каких-то случаях лучше, чтобы это была «Большая двадцатка», а в каких-то — «Большая двойка», то есть Китай и США, или «Чаймерика». Но этого недостаточно. Я возлагаю не-

которые надежды на дальнейший прогресс в сфере региональной интеграции. Мир будущего, вместо того чтобы быть разделенным почти на 200 национальных экономик, должен состоять из примерно дюжины региональных объединений и, конечно, Китая, потому что Китай настолько велик, что ему не надо вступать в региональные объединения с какими-либо другими странами, а лучше представлять только себя на мировой арене. Тогда будет легче осуществлять координацию политики в планетарном масштабе и в интересах человечества.

Когда я говорю о том, что неолиберализм стал последней большой утопией XX века, я имею в виду утопию с точки зрения сбалансированного, равноправного и устойчивого развития мировой экономики. Однако с точки зрения меньшинства, обогащающегося за счет большинства, это довольно прагматическая концепция. Достаточно сказать, что в США в 1979 году на долю 1 % самых богатых людей приходилось лишь 10 % ВВП (немалая часть), а в 2007-м, накануне кризиса, эта доля составляла уже 20 %.

Запад был потрясен стремительным развалом плановой социалистической экономики в 1989–1991 годах. Не было никаких разумных идей по поводу того, как справиться с проблемами, кроме так называемого «вашингтонского консенсуса», опиравшегося на неолиберальную идеологию и экономическую мысль. Поэтому они были не просто рекомендованы, а навязаны России и странам Восточной Европы в начале 1990-х. Последствия оказались катастрофическими и в России, и в Польше, где был шок без терапии. В моей родной стране, Польше, такая пагубная экономическая политика проводилась в 1989–1993 годах, и результатом стали много страданий и мало преимуществ. Страна потеряла 20 % ВВП в первые три года, а уровень безработицы повысился с нулевого до более чем 17 %, или 3 млн человек. Цена оказалась намного выше ожидаемой, а результаты — намного ниже, чем могли бы быть. Такие вот шоковые перегрузки. Ситуация начала меняться в 1994 году, когда я стал заместителем премьер-министра и министром финансов и ввел комплексную не dogматическую программу реформ и развития, извест-

ную как «Стратегия для Польши». Вскоре после этого Польша была названа «европейским тигром», реальный ВВП за 4 года вырос на 28 % в расчете на душу населения, безработица сократилась на треть, а инфляция — на две трети, и в 1996 году моя страна стала членом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Это был «новый прагматизм», воплощенный в жизнь.

Как можно было так долго заблуждаться?

Как же это стало возможно, что мир, включая часть Восточной и Центральной Европы и даже мою страну, на какое-то время оказался сбит с толку вредоносным неолиберализмом? Просто существовали (и по-прежнему существуют) группы частных интересов, выигрывающие от политики быстрой (а значит, дешевой) приватизации, хаотичного дерегулирования и жесткой налоговой и денежно-кредитной политики, рекомендованной «вашингтонским консенсусом». Они были очень сильны, идеологически заряжены, мотивированы примитивным антикоммунизмом. Неолиберализм представляет собой не просто идеологию и политику. Это доктрина, догма, которая может ввести в заблуждение многих. Конечно, этому содействуют и средства массовой информации, чем некоторые из них и занимаются с большим удовольствием.

Почему ущербность этой идеологии и политики ускользала от внимания так долго, пока она не вызвала большой кризис вначале в США, а потом и в мировой экономике? Главным образом по причине постоянного лоббирования групп частных интересов, коррумпированности политиков и СМИ, а также поддержки со стороны части «академических» кругов. Они изо всех сил добиваются общественного одобрения проводимой политики, которая не служит общественным нуждам, а противоречит им. Однако многие экономисты и чиновники, аналитики и политики, лоббисты и журналисты не были введены в заблуждение и осознавали последствия применения ложной экономической теории. Некоторые из них просто лгали, делая это по поручению групп, преследующих свои интересы. В настоящее время это явление планетарного масштаба.